

ПОВТОР КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Рассматривается языковой повтор как одно из наиболее ярких выразительных средств создания идиостиля автора художественного произведения. На примере произведений осетинских писателей аргументированно доказывается тезис о том, что повтор является не только одним из средств организации ретроспекции и проспекции в тексте, но и способом выражения субъективной модальности. Эстетический и экспрессивный эффект повтора значительно возрастает при использовании разных видов дублирования: фонетико-фонологического, лексического, морфемно-морфологического, семантического и синтаксического. Характер повторов и их функциональная нагруженность напрямую зависят от жанровой разновидности текста художественного произведения. В авторском тексте повествовательно-рассуждающего характера они в основном выполняют модально-экспрессивную функцию, а в текстах описательного характера выражают субъективно-авторское отношение к изображаемому.

Ключевые слова: осетинский язык, языковой повтор, лингвистический анализ текста, язык художественной литературы, художественный текст.

Выдвижение текста в качестве главного объекта не только филологии, но и гуманитарного знания в целом обусловлено вниманием к личности человека, концепции антропоцентризма, который, по мнению М. М. Бахтина, связан с идеей диалогизации как особой формы взаимодействия. Суть диалогичности основатель этой концепции выразил так: «Мое слово останется в продолжающемся диалоге, где оно будет услышано, отвечено, переосмыслено» [1, с. 326].

Одним из текстообразующих средств образительности языка художественной литературы является языковой повтор, описанию которого в современном языкознании уделяется значительное внимание. Для поэтического языка повтор является одним из наиболее характерных приемов, он универсален и используется, в силу своей природной экспрессивности и эмоциональности, для воспроизведения оценки изображаемых автором поэтического текста явлений действительности, способствует усилению выразительности речи, воздействуя на эмоционально-волевую сферу человека [2]. Не менее важную функциональную нагрузку несет повтор и в драматическом произведении, являясь эффективной эмоционально-оценочной составляющей диалогических конструкций. Очевиден и тот факт, что мастерами художественной прозы повтор используется в абсолютно разных целях, но с безошибочным стилистическим чутьем, как, например, у Ф. М. Достоевского и Томаса Манна [3, 4].

Изучению языковых повторов посвящено немало работ, в которых они рассматриваются с разных точек зрения: лексико-семантической, структурной, грамматической, экспрессивно-стилистической и т. д. (см. работы Н. Б. Абдаловой, И. В. Арнольд, Л. А. Исаевой, А. Е. Киселева, Л. В. Лисоченко, Н. А. Луценко, Л. Я. Маловицкого, В. П. Мусиенко, С. Г. Николаева, З. Я. Пахолок, Н. Е. Цветковой и др.). В современной лингвистике повтор справедливо счита-

ется многоаспектным, разнофункциональным и сложным явлением. За последние десятилетия в мировой и отечественной лингвистике накоплен обширный эмпирический материал для его исследования, который тем не менее нуждается в систематизации и обобщении. Недостаточно изучено и использование этого средства в различных стилях языка – научном, официально-деловом, публицистическом. Особого внимания требует и осмысление повтора как элемента идиостиля автора художественного произведения. В данной статье рассматривается повтор как образительное средство в различных художественных произведениях, опираясь в первую очередь на осетиноязычную литературу.

Материалом для данного исследования послужили примеры повтора в произведениях современных осетинских писателей – Сергея и Ирлана Хугаевых. Творчество их довольно разнопланово, но в данном аспекте вызывает особый интерес роман-миф на осетинском языке Хугаева-старшего – Сергея Заурбековича – на тему осетинского нартовского эпоса – «Нарты Фарнаг» («Нарт Фарнаг») [5] и произведения Хугаева-младшего – Ирлана Сергеевича – повесть «Изгой» [6] и сборник стихотворений «Вериги воли» [7], так как именно в них повтор особенно ярко выражает идиостиль этих писателей. Таким образом, в настоящей статье предпринята попытка показать выразительные функции повтора в поэтических и прозаических, русско- и осетиноязычных художественных произведениях осетинских писателей.

Экспрессивность, заложенная в саму природу художественного текста, который для того и пишется, чтобы затронуть мысли и эмоции человека, может выражаться в литературном произведении разными средствами, выбор которых зависит от степени мастерства, таланта, стилистических особенностей писателя, от социокультурного контекста и жанра самого произведения и т. д. Повтор – это стилистическое средство, при котором единица какого-либо

лингвистического уровня (фонетического, лексического, морфологического, синтаксического) или нескольких уровней употребляется неоднократно.

Повтор в категориях экспрессивности – важное *структурное* средство, организующее художественное произведение, а также *смысловое* средство новой интерпретации лексических единиц, и *эстетическое* средство гармонизации текста [2, с. 7–8]. Горизонтальный и вертикальный повторы являются основой гармонической организации поэтического текста и призваны «привести все его содержательные компоненты к целостности, единству и красоте» [8, с. 21].

В своей классификации по уровням языка З. П. Куликова выделяет фонетический, словообразовательный, лексический, лексико-синтаксический, семантический, морфологический и синтаксический повторы [2, с. 7–8]. Необходимо отметить, что очень часто в произведениях художественной литературы эти виды сочетаются друг с другом, как, например, в коротком стихотворении Ирлана Хугаева «На кресте»:

Отче,
Отче,
Отчего?.. [7, с. 232].

В данном случае повтор несет огромную смысловую нагрузку и является основным структурным элементом текста. Семантика такого повтора представляет собой единство семантики лексико-грамматической единицы, образующей повтор, семантики, приращенной в результате ее повторения в синтаксической конструкции благодаря осуществлению операции субъективной оценки, и контекстуальной семантики [9, с. 7].

Повтор – одно из любимых и наиболее часто используемых выразительных средств обоих писателей. У Ирлана Хугаева им соткан весь сборник, от подзаголовка («сборник стихов и стихий») до финального стихотворения, уже процитированного выше. Названия двух из семи так называемых «стихий» тоже обыграны повтором: стихия первая – «Утрата утра», стихия седьмая – «Творцы дворцов». Или очень короткое стихотворение «Рифма»:

Лют
Люд [7, с. 224].

Такое использование фонетико-фонологического повтора в поэзии И. Хугаева нацелено не только на актуализацию семантики, но и на гармонизацию текста. Наполнен смыслом и краткий поэтический текст стихотворения «Различие»:

У великих –
Жизнь и деятельность.
У безликих –
Жизнедеятельность [7, с. 222].

В прозаическом произведении Сергея Хугаева «Нарты Фарнаг» повтор выполняет те же функции, придавая, кроме того, повествованию «певучесть»,

«распевность», которая очень уместна в романе-мифе, построенном на сюжетах эпоса Нартов, ведь сказания о Нартах не только рассказывали, но и пели. До сих пор есть сказители, повествующие о подвигах героев Нартовского эпоса, аккомпанируя себе на *хысын-фандыре* – осетинском музыкальном инструменте. И в романе С. Хугаева текст как будто поется сказителем, а повтор привлекает к семантике повторяемой лексемы больше внимания, заставляет перечитывать и глубже вникать в суть абзаца:

«Афынæй» – загъта йæхицæн Сатана, йæ уæлæфтау фелвæста йæ уæхсчътæй, йæ уæрадзы сæртæм *доны* балæгæрста, йæ уæлæ скалдта *дон æмæ доны* фæлхæзæнтæ налхуыт-налмасы фæрдгуытау схъазыдысты йæ урс-урсид уæрадзы сæртыл» [5, с. 78]. «Заснул, – сказала про себя Шатана, сняла с плеч накидку, по колено влезла в *воду*, облила себя *водой* и брызги *воды* заиграли на ее белых бедрах как бриллиантовое ожерелье» (здесь и далее перевод наш. – Г. Л., П. Л.).

Троекратный повтор слова *дон* «вода» в данном абзаце не случаен: автор привлекает к нему внимание читателя намеренно, так как именно оно является ключевым в дальнейшем повествовании о героине мини-сюжета. И таких фрагментов с повтором основного, опорного для смысла слова в данном романе множество, и повторы в них не по три, а гораздо больше раз, приведем некоторые из них:

«Мæнæн *æфсымар* нæй, нæ мын рацыди мадызæнæг *æфсымар*. Иунагæй цауын адæмы 'хсæн, иунагæй зылын сырды фæдыл, æмæ ныры онг никуы 'рæфтыди мæ хуыдыйы, *æфсымар* мын нæй, уый. Ныр ацы фæндагыл банкъардон, нарты фæндагыл: *æфсымар* мын нæй æмæ мæ тынг хъæуы æфсымар. Æмæ ам ацырдæм *æфсымары* цинтæ кæмæй фæистон, тæхуды уый мæ *æфсымарæн* куы уайд!» [5, с. 81]. «У меня *брата* нет, не родился у меня родной *брат*. Один я брожу среди людей, один иду по следам зверей, и до сих пор я ни разу не задумался о том, что нет у меня *брата*. Теперь на этой дороге, на дороге нартов, я почувствовал: нет у меня *брата*, а мне *брат* очень нужен. И хоть бы мне *братом* стал тот, от которого я увидел здесь *братскую* любовь».

«Сырдоны *фæндыр* нал бæззы, фæлæ Уæны уыргæфтыды *фæндыр*! Зарыны æмæ, дам, кафыны *фæндыр*. Цыма зарæджы *фæндыр* цæмæн бахуыд! Зарын кæмæ цауа, уый æнæ *фæндыр* дæр дзæбæх нызардзæн. Хъарæджы хъæуы *фæндыр*, хъарæджы! *Фæндыр* йæ хузон у хъарæгæн. Æмæ æнæ *фæндыр* йæ бон нæ цауы хъарæгæн зæрдæйы хыг рахаэсын, йæ бон нæу, зæрдæ расыгъдæг кæна, уый» [5, с. 83–84]. «*Фандыр* Сырдона уже не годе, но проникающий до самых почек *фандыр* Уана! *Фандыр* для песен и танцев. Как будто зачем песне *фандыр*! Кому поется, тот и без *фандыра*

споет. Для причитаний нужен *фандыр*, для причитания! *Фандыр* им подпеваает, причитаниям. И без *фандыра* не может причитание боль из сердца вытянуть, чтобы очистить его».

Очевидно стремление автора выделить повтором слов *æфсымæр* «брат» и *фæндыр* «осетинский музыкальный инструмент» понятия, имевшие в нартовском эпосе, в историческом прошлом осетин и даже в наши дни исключительное значение, опорные элементы национальной картины мира. Не случайно он повторяет эти слова еще раз, в другом фрагменте текста:

«Æмæ бацин кодта Фарнæг: йæ *фæндыр* дæр-иу сыл æрцауындздæни Уæн – саджысыкъатæй хуыздæр цæуыл æрцауындздæни лæг йæ *фæндыр!*» [5, с. 88]. «И обрадовался Фарнаг: и *фандыр* свой на них сможет повесить Уан – на что лучшее еще повесишь *фандыр*».

Автор не боится быть назойливым, часто повторяя одно и то же слово. Такой же смысл имеет и повтор слова *фæндаг* «путь, дорога»:

«Иу *фæндаг* йеддæмæ нæй, нартæн сæ алыварсы адæмтæ цæры, уыдонмæ – уый дзоныгъы хъустæй лæгъз уа хъуамæ уыцы *фæндаг* æмæ уæрдоны цалхæй над. Рагсом нæуæг фæлтæр кæй рацæудзæн цардмæ, уый куыд нæ у гуырысхойаг, афтæ гуырысхойаг нæу, уыцы нæуæг фæлтæр нæуæг зонд кæй рахæсдзæн йемæ, уый дæр. Уæдæ уыцы нæуæг зонд уымæ арæст ма уа, уыцы лæгъз æмæ над *фæндагмæ*, уый гæнæн нæй. Дзоныгълæгъз æмæ уæрдоннад *фæндагæй* хуыздæр *фæндаг* нæй» [5, с. 129–130]. «От нартов к окружающим их людям всего одна дорога – от ползьев саней она должна быть ровной и от колес арбы – утрамбованной. Как завтрашнее поколение, которое выйдет на жизненный путь, не вызывает сомнений, так и не сомневаются в том, что это новое поколение принесет с собой и новое знание. А чтобы это новое знание не было направлено в сторону этой ровной и утрамбованной дороги, такого не может быть. Лучше выровненной санями и утрамбованной арбой дороги лучше дороги нет».

И здесь весь абзац построен на языковом повторе: 5 раз – слово *фæндаг* «путь, дорога», 2 раза –

гуырысхойаг «вызывающий сомнения», 2 раза – *нæуæг зонд* «новое знание» и лексемы *дзоныгъ*, *дзоныгълæгъз*, *уæрдон*, *уæрдоннад* «сани», «арба».

У Ирлана Хугаева проза необычна, узнаваема, с особым ритмом, создающимся в том числе повторами опорных концептов. Иногда нагнетание повторов пронизывает повествование на протяжении всего произведения, создавая особую атмосферу. В «Изгое» таким словом является «шаг»: каждый смысловой отрезок текста предваряется фразой «Шаг, шаг, шаг». Не единожды автор повторяет и слово «путь»:

«Я не хотел событий. *Пути*, только *пути*. Но и *пути* у меня еще не было; только скитания. А потом стал и *путь*: когда скитания мои закончились» [6, с. 42].

Концепт «Путь, дорога», как и у Хугаева-старшего, имеет огромный смысл [10], проходит через всю повесть; для этих авторов *путь* – смысл человеческого бытия:

«Шаг, шаг, шаг. Да, я думал, пока шел тебе навстречу; мое болтливое сердце донимало меня. Оно говорило, что истинному *путнику* нет в мире прибежища, что любая пещера – только часть *пути*. А потом оно говорило, что и человека нет, что и сам человек – только часть *пути*. Я ждал, что оно скажет, наконец, что и *пути* нет, – но оно не сказало. И верно: ведь что-то должно остаться; что же, если не *путь*? Как ты думаешь? Давай пожертвуем человеком ради *пути*: только так сделаем честь и человеку» [6, с. 28].

В «Изгое» повтор слова *путь* – это повтор-лейтмотив для данного произведения. Это прием, характерный не только для И. Хугаева. Известно, например, что Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой любили повторять какую-нибудь наиболее важную в идейно-художественном отношении деталь, характеризующую тот или иной персонаж.

Таким образом, повтор как в прозе, так и в поэзии является важным средством выразительности, создающим особый неповторимый стиль писателя и необыкновенной силы экспрессию в тексте художественного произведения.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Куликова З. П. Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р. М. Рильке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 191 с.
3. Разноглядова Н. В. Повтор как категория художественного текста в неблизкородственных языках (на материале произведений Т. Манна и их русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1998. 16 с.
4. Савченко Л. И. Повтор как стилистическая категория в художественной прозе Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1984. 203 с.
5. Хугаев С. З. Нарты Фарнæг // Нарты Фарнæг: роман, радзырдтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2005. С. 5–335.
6. Хугаев И. С. Изгой // Дарьял. 2011. № 3. С. 14–51.
7. Хугаев И. С. Вериги воли: книга стихов и стихий. Владикавказ: Ир, 2013.
8. Штайн К. Э. Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: СГУ, 2006. 646 с.

9. Добижа О. А. Лексико-грамматический повтор как средство выражения категорий количества и степени (на материале современного русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2001. 195 с.
10. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Лексикографическая репрезентация концепта «фæндаг» («дорога») в осетинском языке // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 301.

Гацалова Л. Б., доктор филологических наук.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева ВНИЦ РАН и РСО-А.

Пр. Мира, 10, Владикавказ, Россия, 362040.

E-mail: larabella8@mail.ru

Парсиева Л. К., доктор филологических наук, доцент.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева ВНИЦ РАН и РСО-А.

Пр. Мира, 10, Владикавказ, Россия, 362040.

E-mail: parsieva_larisa@mail.ru

Материал поступил в редакцию 31.07.2016.

L. B. Gatsalova, L. K. Parsieva

REPETITION AS AN EXPRESSIVE MEANS OF THE LITERARY WORK LANGUAGE

The article considers repetition in language as one of the most prominent means of expression in formation of individual style of fictional work's author. On the example of Ossetian writers' works it is convincingly proved that repetition is not only one of the means of organizing retrospection and prospecting in the text, but also a way of expressing subjective modality. Aesthetic and expressive effect of repetition increases considerably during the use of different kinds of duplication: phonetic-phonological, lexical, morphemic and morphological, semantic and syntactic. The type of repetitions and their functional yield are directly dependent on the genre varieties of fiction text. In the author's narrative reasoning text they mainly perform modal-expressive function, and in the descriptive texts they express author's subjective attitude to the displayed.

Key words: *the Ossetian language, linguistic repetition, linguistic text analysis, language of fiction, fictional text.*

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of written word]. Sost. S. G. Bocharov, primech. S. S. Averintsev i S. G. Bocharov. M.: Iskusstvo Publ., 1979. (in Russian).
2. Kulikova Z. P. *Povtor kak sredstvo ekspressivnosti i harmonizatsii poeticheskikh tekstov M. Tsvetaevoy i R. M. Ril'ke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Repetition as a mean of expression and harmonization of M. Tsvetaeva's and R. M. Rilke's poetic texts. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Rostov-on-Don, 2007, 19 p. (in Russian).
3. Raznoglyadova N. V. *Povtor kak kategoriya khudozhestvennogo teksta v neblizkorodstvennykh yazykakh (na materiale proizvedeniy T. Manna i ikh russkikh perevodov): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Repetition as a category of fictional text in non-cognate languages (on the material of Th. Mann's works and their translations into Russian). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Saratov, 1998, 16 p. (in Russian).
4. Savchenko L. I. *Povtor kak stilisticheskaya kategoriya v khudozhestvennoy proze F. M. Dostoevskogo: Dis. ... kand. filol. nauk* [Repetition as a stylistic category in Dostoyevsky's fictional prose. Thisis cand. philol. sci.]. Tashkent, 1984. 203 p. (in Russian).
5. Khugaev S. Z. *Narty Farnæg* [Narts' Farnag]. Narty Farnæg: roman, radzyrdtæ. – Dzæudzhyhæu: Ir, 2005. pp. 5–335 (in Ossetian).
6. Khugaev I. S. *Izgoiy* [Outcast]. *Dar'yal*, 2011, no.3, pp. 14–51 (in Russian).
7. Hugaev I. S. *Verigi voli: kniga stihov i stihij* [Chains of will: book of verses and elements]. Vladikavkaz: Ir, 2013 (in Russian).
8. Shtayn K. E. *Garmoniya poeticheskogo teksta: Sklad. Tkan'. Faktura* [Harmonization of poetic texts: Constitution. Structure. Texture]. Stavropol': SGU Publ., 2006. 646 p. (in Russian).
9. Dobizha O. A. *Leksiko-grammaticheskiy povtor kak sredstvo vyrazheniya kategoriy kolichestva i stepeni (na materiale sovremennogo russkogo yazyka): Dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-grammatical repetition as a means of expression of categories of quality and degree (on the material of the modern Russian language). Thesis cand. philol. sci.]. Taganrog, 2001. 195 p. (in Russian).
10. Gatsalova L. B., Parsieva L. K. *Leksikograficheskaya reprezentatsiya kontsepta «Fændag» («Doroga») v osetinskom yazyke* [The lexicographical representation of the concept «Faendag» («Road») in the Ossetian language]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. Modern problems of science and education*, 2012, no. 5, pp. 301 (in Russian).

Gatsalova L. B., Parsieva L. K.

V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies.

Pr. Mira, 10, Vladikavkaz, Russia, 362040.

E-mail: parsieva_larisa@mail.ru